

ствования существующего метода исследования интерференций, предложенного специалистом в области контрастивной лингвистики Н.Г. Михайловской. Нельзя не отметить также особую теоретическую значимость одного из вопросов, поставленных в этой статье. Речь идет о проблеме типологии интерферентных явлений. К.Я. Сигал полагает, что такая типология должна подразумевать учет, как минимум, двух аспектов: во-первых, следует установить, к какому уровню репрезентации относится данное явление в родном языке билингва; во-вторых, определить, на каком уровне анализа эта интерференция обнаруживается в неродном языке, средствами которого обеспечивается данный речевой акт. «Выделенные при таком подходе типы интерферентных явлений будут охарактеризованы не только по их при-

надлежности тому или иному уровню языка, но и по их функциональной значимости в каждой из языковых систем» (с. 139).

К.Я. Сигал написал полезную книгу, вне всякого сомнения, востребованную современной русистикой, развитие которой требует разрешения целого ряда актуальных проблем в области синтаксиса – проблем, которые до настоящего времени остаются либо в тени, либо представляются спорными в силу своей недостаточной изученности. С нашей точки зрения, в «Синтаксических этюдах» К.Я. Сигалу очень хорошо удалось привлечь внимание как раз к таким проблемным участкам теории общего и русского синтаксиса.

П.П. Ветров

Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН; Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – Т. I: Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. 549 с. – Т. II: Лексика, фразеология, диалектология, устно-поэтический язык, ономастика. 520 с.

Двухтомник «Кабардино-черкесский язык»¹, созданный по плану Института гуманитарных исследований правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-балкарского научного центра РАН (автор проекта и главный редактор – М.А. Кумахов), продолжает традицию коллективных описательных грамматик кабардинского языка, вышедших 50 и 35 лет назад [Грамматика 1957; 1970], а также фундаментальных монографических описаний обоих адыгских языков, опубликованных на русском и английском языках [Яковлев, Ашхамаф 1941; Яковлев 1948; Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1971; Smeets 1984; Colarusso 1992]. За последние десятилетия адыговедение, как российское, так и зарубежное, не стояло на месте, во многом изменилась социально-политическая и культурная ситуация на северо-западном Кавказе и в странах адыгской диаспоры, в первую очередь в Турции, и авторы рецензируемого объемного труда постарались учесть эти изменения.

Кабардино-черкесский язык (далее КЧЯ), образующий вместе с адыгейским адыгскую ветвь абхазо-адыгской (западнокавказской) семьи, – один из заметнейших кавказских языков. Он является государственным языком Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик, что зафиксировано в их конститу-

циях, и на нем ведется преподавание в ряде высших учебных заведений Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Не менее интересен КЧЯ и для типологии и теории грамматики. Абхазо-адыгские языки выделяются полисинтетическим строем, напоминающим строй многих языков Северной Америки, но крайне нетипичным для Евразии, особенно центральной ее части, к которой принадлежит и Кавказ. Поэтому вполне закономерно то, что КЧЯ вызывает большой интерес исследователей, который, на наш взгляд, со временем будет возрастать.

Рецензируемая коллективная монография представляет собой гораздо более масштабный опыт описания языка, нежели ее предшественники. Авторы стремятся включить в рассмотрение самые разные аспекты КЧЯ (порою в сопоставлении с другими родственными языками), в том числе и те, сведения о которых до сих пор были мало доступны. Два тома обсуждаемого исследования включают, помимо вводных частей, девять глав, посвященных вопросам кабардино-черкесской письменности, фонетики и фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики и фразеологии, языковой картины мира, диалектологии, устно-поэтического языка и ономастики. Некоторые из перечисленных тем не вполне укладываются в образ канонической описательной грамматики, и тем не менее, включение соответствующих разделов в издание по большей части оправдано. Это касается, например, вопроса о письменности, который приобретает особую актуаль-

¹ Рецензия выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-04-00194а «Синтаксис полисинтетического языка»).

ность в свете попыток унификации орфографии кабардино-черкесского и адыгейского языков. Не менее обосновано и появление в монографии отдельной части, рассматривающей кабардинские диалекты. Во-первых, диалекты КЧЯ довольно сильно отличаются друг от друга, см. [Очерки 1969]. Во-вторых, значительная часть кабардинцев проживает за пределами России (в первую очередь в Турции), и их язык, «язык диаспоры», в свое время почти не доступный для советских адыговедов, представляет особый интерес, что отражено в рецензируемой монографии.

Первый том монографии открывается кратким введением и главой I «Создание письменности» (М.А. Кумахов, З.Ю. Кумахова), содержание которой значительно шире заглавия. Она включает исторический очерк адыгской письменности, описание основных проблем, связанных с разработкой алфавита и орфографии, и изложение нового проекта унификации алфавитов и орфографий адыгских языков, разработанного в 1990-е гг., и наряду с этим – характеристику понятия «кабардино-черкесский литературный язык» и этноязыковых перспектив в условиях диаспоры. Здесь читатель обнаруживает в сжатом виде много важных сведений, ранее разбросанных по труднодоступным публикациям. С одной стороны, такая композиция удобна для читателя-лингвиста, в восприятии которого язык – это прежде всего письменность. С другой стороны, раздел о письменности естественней было бы поместить после главы, посвященной фонетике и фонологии. Разработка алфавитов и орфографий для западнокавказских языков на базе одной из известных систем письма (в настоящее время – на кириллической основе) представляет огромную трудность ввиду уникального богатства и своеобразия их фонологических систем, и многочисленные реформы всегда были нелегким испытанием для культур западнокавказских народов (особенно в этом отношении пострадали абхазы). Можно приветствовать ту последовательность и однозначность, к которой стремится новый проект унификации, например, в передаче сочетаний гласных и сонорных *y / w /*, *й / j /*, или в написании притяжательных префиксов. Однако, поскольку всякое орфографическое решение представляет собой компромисс между несколькими конфликтующими принципами, – например, соображениями фонологической последовательности, соблюдения грамматических границ и практического удобства, новая единая орфография, как и всякая другая, не лишена определенных недостатков. Например, отвергаемое в проекте использование графем кириллицы *о, е, и* в алфавитах адыгских язы-

ков хотя и фонологически непоследовательно, но не лишено смысла, так как способствует более экономной (однобуквенной) записи сочетаний гласных с сонорными и выигрывает в эстетическом отношении, так как уменьшает длину слов и снижает частотность употреблений графемы *ы*, которую трудно признать украшением кириллической графики. Авторы критикуют кабардинскую орфографию притяжательных префиксов за нелогичность [I: 45]², но можно заметить, что раздельное написание префиксов выражает определенный грамматический факт: притяжательный префикс, как и падежный суффикс, оформляет не отдельное слово, а именной комплекс целиком (*фи унэ лъагэ-р* ‘ваш дом высокий-абс.’), причем непоследовательность, о которой пишут авторы, – слитное написание в случаях типа *у-и-л* ‘твой муж’, – отчасти объяснима, так как тут избегается раздельное написание префикса с основой *-лы-* ‘муж’, ставшей неслогообразующей в результате отпадения конечного гласного. Авторы проекта справедливо считают адыгейское правило слитного написания префиксов более удобным и последовательным, но и тут остаются трудности с собственными именами (*си Родинэ* ‘моя Родина’).

Глава II «Фонетика и фонология» (Х.Т. Таов) дает общую характеристику звуковой системы КЧЯ, звукового состава корня и аффиксов, фонетических процессов, адаптации заимствований, фонетического типа корня, слога и сведения об орфоэпии. К сожалению, вовсе не описано ударение, хотя именно этим фактором автор раздела объясняет изменение долготы гласных в открытом слоге [I: 58–59] и слоговое деление [I: 71].

Обращаясь к грамматическим разделам монографии – главе III «Морфология» и IV «Синтаксис», можно заметить, что эту грамматику КЧЯ от ее предшественников отличает не только более широкий охват тем. Новое исследование, по-видимому, в гораздо меньшей степени, чем предыдущие, ориентировано на образ нормализованного литературного КЧЯ, хотя, конечно, основные излагаемые здесь грамматические факты касаются в первую очередь именно литературного языка. Это проявляется, в частности, в том, что, наряду с принятой в такого рода изданиях практикой иллюстрирования описываемых фактов примерами из реальных текстов, авторы включают и примеры, полученные в ходе опроса носителей языка. Такой подход позволяет не толь-

² Здесь и далее римскими цифрами указан номер тома рецензируемого издания и после двоеточия соответствующая страница.

ко лучше аргументировать существование грамматических запретов, но и выявить ряд тонкостей, которые остаются в тени при опоре на тексты. В результате наряду со стандартными и, в принципе, в большинстве своем известными правилами в рассматриваемом описании можно обнаружить и ценнейшие сведения о естественной для языка вариативности в отдельных фрагментах грамматики, о «непоследовательностях языка» (так, показательно обсуждение степени общности и возможности ряда теоретически допустимых глагольных форм в [I: 167–168]), о случаях исключений и отклонений от известных правил. Заметим в этой связи, что в типологической перспективе кажущиеся исключения на деле нередко служат ключом к выявлению некоторых более общих и нетривиальных закономерностей, например, обнаруживающееся в кабардино-черкесском языке употребление неодушевленного вопросительного местоимения при разговоре о ребенке (как в *Сыт а фызым ктылхуар?* букв. ‘Что эта женщина родила?’) [I: 121] имеет известные параллели в «трактовке» лексем со значением ‘ребенок’ как неодушевленных в других, в т.ч. индоевропейских и кавказских, языках.

Еще одна важная черта рассматриваемой монографии связана с особым интересом, который авторы проявляют к деталям и «маргиналиям». Пользу такого подхода можно проиллюстрировать на примере описания, казалось бы, периферийных случаев двойного отрицания, как в *Сэри сымыкхуэ-мы-тэтэ-къым...* ‘Я тоже не нерасторопный...’ [I: 227], где сказуемое содержит как префиксальный (*мы-*), так и суффиксальный (*-къым*) показатели отрицания. Между тем обычно в грамматических описаниях эти показатели описываются как находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, поскольку их выбор, как считается, зависит от финитности словоформы (парадоксальным образом то же утверждается и в данной работе [I: 225]), и более того, считается одним из важнейших формальных свидетельств существования оппозиции по финитности в адыгских языках (см. критику этого взгляда в [Smeets 1984; Ландер, Сумбатова 2007]). Таким образом, внимание к периферии в данном случае позволяет сделать определенные выводы в отношении основ грамматической системы.

Яркая типологическая специфика КЧЯ не может не оказывать влияния на то, каким образом он представляется в описательной грамматике. Авторы монографии пытаются выдерживать баланс между подходом в стиле описаний европейских языков и кардинально отличающимся от этих языков фактическим материалом. Действительно, традиционное описание

КЧЯ, предполагающее относительно жесткие противопоставления между словоизменением и словообразованием, именем и глаголом и т.д., хотя и помогает читателю, мало знакомому с абхазо-адыгским строем, ориентироваться в грамматике, но порою наталкивается на значительные трудности. В первую очередь это касается множества проявлений полисинтетизма, подразумевающего большую функциональную нагрузку морфем и одновременно большую степень их автономности (именно это, по-видимому, имеется в виду, например, когда подчеркивается «аналитический» характер полисинтетических форм [I: 156]). Попытка подогнать кабардино-черкесскую морфологию под логику морфологии неполисинтетической вполне обоснованна с точки зрения изложения, но не всегда отвечает логике самого материала языка. Так, например, так называемый «копулятивный суффикс» *-иц*, маркирующий определенный класс сказуемых, авторы вынуждены описывать в разделе «Глагол», хотя использование этой морфемы на деле глаголом не ограничивается, как показывает предложение *Ар къыздэкхуар ди деж-иц* ‘Он приехал к нам’, букв. ‘То, куда он приехал, – к нам’ [I: 347], в котором указанный суффикс располагается на послелого *деж* ‘к’, выражая сказуемость всей послеложной группы. Впрочем, подробность и всесторонность описания во многом компенсирует такие несоответствия.

Следует сказать также, что, в целом следуя установленным принципам описания, авторы, тем не менее, вовсе не боятся отступить от традиции трактовки фактов КЧЯ: ряд выводов, обнаруживаемых в монографии, выглядят новаторски на фоне предшествующих грамматик. Не лишен интереса, например, обнаруживаемый в монографии подход к выражению темпоральной категории, согласно которому значения прошедшего и будущего времени в КЧЯ выражаются причастиями в сочетании с копулятивным суффиксом *-иц* или морфемой прошедшего времени *-т* [I: 159]. Кроме того, впервые в этой монографии проводится различие между масдаром и инфинитивом, которые, хотя и оформляются одним показателем, все же проявляют различные свойства.

Учет типологической специфики кабардино-черкесского языка касается не только отдельных фактов вроде приведенных выше, но и подхода к функционированию грамматической системы в целом. Так, например, утверждение о том, что «полисинтетизм глагола, морфологически четко выражающего субъектные и объектные отношения, делает подлежащее и дополнение грамматически избыточными, а сказуемое – выразителем функции не

только сказуемого, но и подлежащего и дополнения (М.А. Кумахов)» [I: 383] отвечает распространенному в типологических исследованиях (хотя, конечно, и не бесспорному) взгляду, согласно которому субъектно-объектные отношения в полисинтетических языках выражаются уже на уровне морфологии, в то время как синтаксис лишь уточняет эти отношения (см., например [Jelinek, Demers 1995]).

Во вводном грамматическом разделе «Общая характеристика морфологической системы» (М.А. Кумахов) содержится весьма важный вывод, что адыгская полисинтетическая словоформа складывается в результате действия нескольких разнородных морфологических стратегий, в том числе агглютинации, фузии и инкорпорации. Отмечая слабую дифференцированность имени и глагола, автор разграничивает конверсию со сдвигом лексического значения типа усэ 'стих' – мэ-усэ 'он сочиняет' и другой, гораздо более свободный, вид конверсии, когда именные основы могут быть использованы без глагольных словообразующих аффиксов как основы статических глаголов: *щлалэ* 'юноша' – *сы-щлалэ-щ* 'я юноша', причем лексическое значение не изменяется.

Разделы, посвященные именной морфологии, в сжатой форме излагают в основном известные факты грамматики КЧЯ. Можно отметить подробный раздел, посвященный прилагательным (Х.Ш. Урусов). Значительная часть первого тома посвящена центральной теме адыгской морфологии – глаголу и отглагольным образованиям. Дается характеристика основных классов – переходных и непереходных, динамических и статических глаголов, финитных и инфинитных форм, полиперсонализма, таблицы форм полиперсонного спряжения. В разделе о наклонениях (М.А. Кумахов) отметим наблюдение, согласно которому формы с показателем *-клэ*, совпадающим с маркером инструментального падежа, нельзя безоговорочно отнести к условному наклонению. Форма *сыщыклуэ-клэ* с темпоральным значением 'когда я иду' не изменяется по временам, в то время как омонимичная ей форма со значением 'раз (поскольку) я иду' может иметь разные временные формы: *сыщэклу-а-клэ* (перфект) 'раз я пошел', *сыщэклу-эну-клэ* (будущее II) 'раз я пойду'. Подробно рассмотрены категории глагольной деривации – версии, союзности, каузатива, функции местных преректоров и директивных суффиксов. В разделе о причастиях (Б.Ч. Бижоев) обращает на себя внимание разработка проблемы неполного соответствия парадигм финитного глагола и причастия (последние образуют лишь часть полиперсонных форм) и наблюдение

о возможности повтора (до трех раз) префикса-релятивизатора *зы-* в результате множественной релятивизации четырехличной формы.

Глава IV первого тома, посвященная синтаксису, включает обзор основных типов словосочетаний, конструкций предложения, типов предложения по коммуникативной целеустановке, причем особый интерес вызывает разбор употребления причастных форм в вопросительной конструкции, когда глагол «занимает синтаксическую позицию подлежащего», а в качестве сказуемого выступают вопросительные местоимения и наречия [I: 394]; обсуждение трудностей, связанных со сложностью выделения членов предложения, характеристика определений и обстоятельств. В число конструкций предложения попала, в соответствии с известной идеей А. Чикобава, и так называемая «индефинитная», т.е. включающая падежно немаркированные формы подлежащего и прямого дополнения, выраженные личными местоимениями 1 и 2 л. или неопределенными именными группами. Несмотря на то, что отсутствие падежных маркеров эргатива и абсолютива у личных местоимений-локуторов и у неопределенных имен не является случайностью, не случайно также и то, что сегодня идея «индефинитной» конструкции не находит сторонников среди кавказоведов.

Второй том монографии начинается с главы, посвященной лексике (М.Л. Апажев). Обсуждаются понятия лексико-семантической и лексико-стилистической систем и их компонентов, таких, как семантические поля и функциональные стили, лексикология с разграничением этимологических слоев, источников заимствований, архаизмов, профессионализмов и т.п., дан исторический очерк лексикографии КЧЯ. Особый интерес представляет анализ концептов, трудно переводимых на язык другой культуры, соответствующих таким словам, как *исэ* 'душа' или *гу* 'сердце'.

В главе II второго тома рассматриваются проблемы фразеологии (Б.Ч. Бижоев). Предлагается семантическая и лексико-грамматическая классификация фразеологических единиц КЧЯ и фразеологический словарь из 577 единиц. Глава III второго тома посвящена диалектологии КЧЯ. Обосновывается классификация диалектов, даны некоторые изоглоссы и достаточно объемный диалектологический словарь. Специальные разделы посвящены языку черкесов в Карачаево-Черкесии (Р.Х. Темирова) и языку черкесской диаспоры (Б.Ч. Бижоев), с образцами текстов.

В IV главе второго тома монографии (М.А. Кумахов) рассматривается устно-поэти-

ческий язык нартского эпоса – особая наддиалектная форма речи.

Глава V второго тома посвящена ономастике (Д.Н. Коков). В ней мы находим классификацию и этимологический анализ топонимической лексики и адыгский топонимический словарь.

В монографии обнаруживаются и некоторые упущения. Например, говоря о внешних связях абхазо-адыгских языков [I: 6; II: 84–85], авторы не упоминают наиболее важную идею – гипотезу Н.С. Трубецкого [1987 (1926)] о северокавказском родстве и последующие работы С.Л. Николаева, С.А. Старостина [Nikolayev, Starostin 1994] и В. Чирикбы [Chirikba 1996]. Заметим, что в одновременно опубликованной «Адыгской энциклопедии» [Энциклопедия 2006] современное состояние изучения проблемы отражено с достаточной полнотой. С другой стороны, конкретным этимологическим гипотезам, скорее всего, не место в разделах, посвященных грамматике, тем более что с некоторыми этимологическими идеями авторов согласиться трудно – например, с предположением, что возвратно-усилительное местоимение *езы* представляет собой сложение местоименного префикса *з* л. е- и глагольного рефлексивного префикса *зы-* [I: 121], см. похожую идею в [Яковлев, Ашхамаф 1941: 358] и убедительную критику в [Кумахов 1989: 98], а также [Шагиров 1977: 172; Nikolayev, Starostin 1994: 1102]. К сожалению, издание не свободно от опечаток и других технических погрешностей, из которых некоторые было бы легко исправить (например, знак *l*, характерный для машинописи, не везде заменен на *l*).

В целом рецензируемая монография представляет собой значительный вклад в изучение адыгских языков и представляет ценность не только как справочное издание, но и как фундаментальная исследовательская работа. Ее выход в свет – заметное событие в научной и культурной жизни Северного Кавказа, важная историческая веха в истории исследования кабардино-черкесского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грамматика 1957 – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957.

Грамматика 1970 – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Ч. I. М., 1970.

Кумахов 1971 – М.А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков. М., 1971.

Кумахов 1989 – М.А. Кумахов. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М., 1989.

Ландер, Сумбатова 2007 – Ю.А. Ландер, Н.Р. Сумбатова. Адыгейские отрицания // Кавказский лингвистический сборник. Вып. 18. М., 2007.

Очерки 1969 – Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969.

Розава, Керашева 1966 – Г.В. Розава, З.И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Майкоп; Краснодар, 1966.

Трубецкой 1987 (1926) – Н.С. Трубецкой. Исследования в области сравнительной фонетики северокавказских языков // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987.

Шагиров 1977 – А.К. Шагиров. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. 1. М., 1977.

Энциклопедия 2006 – Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М.А. Кумахов. М., 2006.

Яковлев 1948 – Н.Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948.

Яковлев, Ашхамаф 1941 – Н.Ф. Яковлев, Д.А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941.

Chirikba 1996 – V. Chirikba. Common West Caucasian. Leiden, 1996.

Colarusso 1992 – J. Colarusso. A grammar of the Kabardian language. Calgary, 1992.

Jelinek, Demers 1994 – E. Jelinek, R. Demers. Predicates and pronominal arguments in Straits Salish // Language. 1994. V. 70 (4).

Nikolayev, Starostin 1994 – S.L. Nikolayev, S.A. Starostin. A North Caucasian etymological dictionary. M., 1994.

Smeets 1984 – R. Smeets. Studies in West Circassian phonology and morphology. Leiden, 1984.

Ю.А. Ландер, Я.Г. Тестелец

Studies on reduplication / Ed. by B. Hurch with editorial assistance of V. Mattes (Empirical approaches to language typology; 28). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005. 640 p.

Статьи рецензируемого сборника представляют собой переработанные варианты докладов на конференции, посвященной редуплика-

ции, которая проходила в ноябре 2002 г. в г. Грац (Австрия). В издании, как и на конференции, представлены работы разных направ-